

Дело аппетита

Зураб Церетели в санкт-петербургском Манеже

Коммерсантъ. — 2005. — 18 марта. — с. 22.

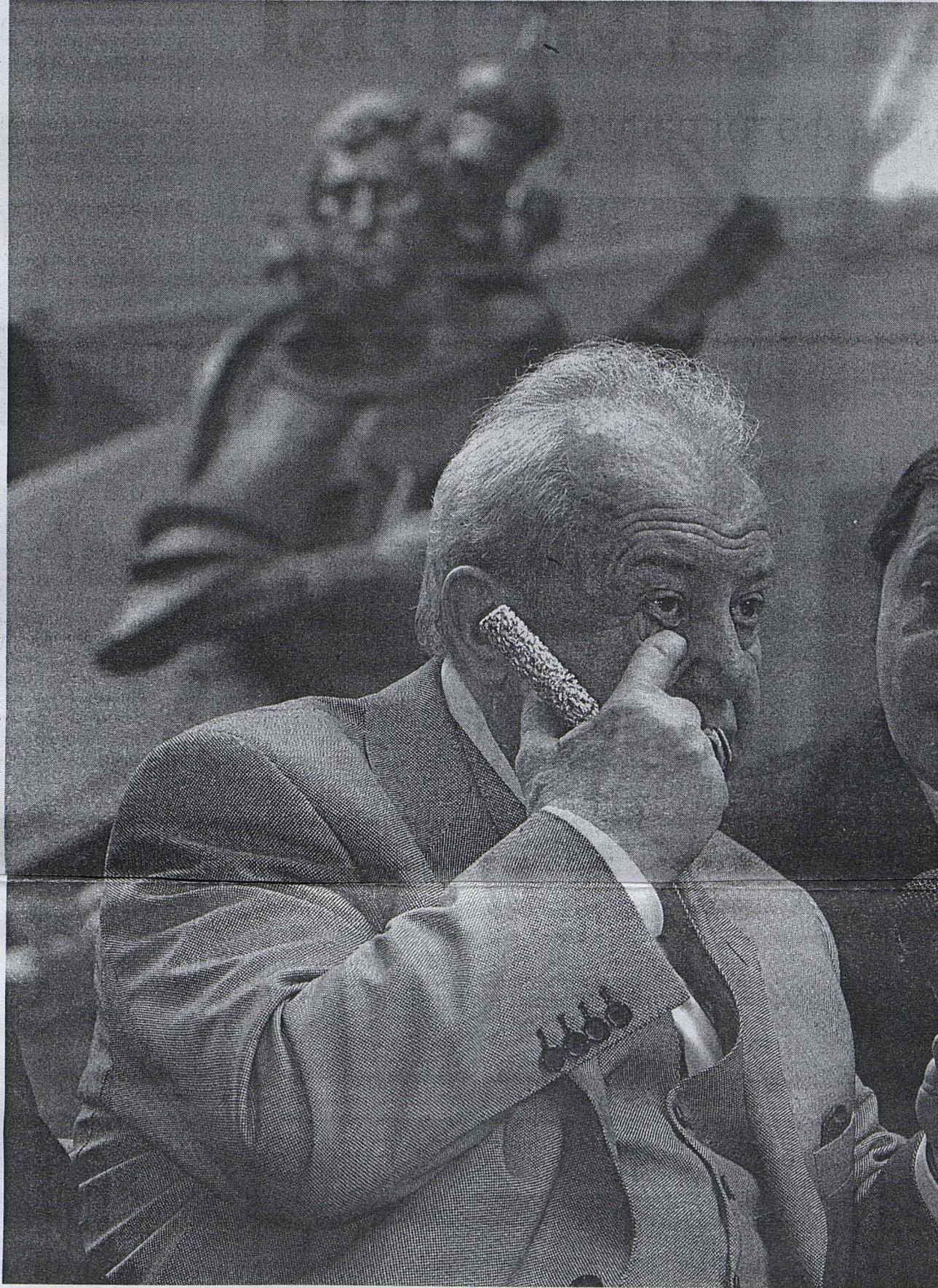
выставка примитив

В центральном выставочном зале «Манеж» открылась первая в Петербурге персональная выставка президента Академии художеств РФ Зураба Церетели. Выставка радовалася МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ.

Зураб Константинович — щедрый талант. Даже те, кто не попадет на выставку, масштаб его творчества оценят, просто пробежав мимо Манежа. На портике между Диоскурами, скопированными Паоло Трекони со статуй перед Квиринальским дворцом в Риме, воцарился восьмиметровый Петр I господина Церетели. Не самый большой из изваянных им самодержцев, но все-таки достаточный, чтобы Петербург со своим жалким классицизмом склонил голову перед творчеством современника.

Корреспондент „Ъ“ наивно пытался усмотреть в этом концептуальном, почти постмодернистском жесте какой-нибудь символический смысл: месть Петербургу, до сих пор обходившемуся, не считая памятника графу Шувалову во внутреннем дворе Академии художеств, без памятников мэтра, самоиранию, манию величия, на худой конец. Все гораздо проще: «Невозможно было кран достать. Хотели поставить внутри, пришлось поставить там». Зурабу Церетели некогда думать о контексте, он занят исключительно текстом. Недовольны крымские татары и отдельные демократы намеченным на 9 мая открытием перед Ливадийским дворцом в Ялте памятника «большой тройке» — не беда. «Могу оставить пустой стул без Сталина. И назвать: „Ждем“. Или: „В ожидании“». Боже упаси искать в этом скрытый сталинизм. Можем со Сталиным, можем без Сталина. «Чем больше будете меня ругать, тем больше буду работать». Боже упаси, куда уж больше, поберегите здоровье. 9 мая помимо ялтинской «тройки» на многострадальной Поклонной горе в Москве откроется еще один монумент работы господина Церетели: 15 стел, каждая по 15 метров, в честь 15 фронтов Отечественной войны. Страшно подумать, сколько в составе каждого фронта было армий, в каждой армии — корпусов, в каждом корпусе — дивизий, и все ведь достойны бронзы. Кроме того, господин Церетели «развивает жен декабристов», близится 180-летие восстания на Сенатской. И каждую деталь надо продумать. Например, на плечах даже не исторических личностей, а простых тбилисских кинто, рыбников и дворников, на плечах героев заботливо усажены бронзовые птички. И то правда: вдруг несознательные пернатые не облюбуют памятник по своей воле — а что за монумент без птички?

При этом монументальная скульптура — далеко не главная часть творчества Зураба Церетели. Сколько цветных шелковых, перегородчатых и объемных эмалей создает он ежеднев-



Президент Академии художеств Зураб Церетели не любит, когда другие держат его за простачка ФОТО НИКИТЫ ИНФАНТЬЕВА

но и ежечасно! Развешанные сплошными коврами от пола до потолка, они не поддаются эстетическому анализу, их можно только пересчитать. Вот эмали «Библейские сюжеты» (1999–2000), созданные в подражание

примитивам раннего Возрождения, — 53 штуки. Вот шелковрафии из серии «Тбилиси» (2004–2005) — 29 штук. Ни дня без шедевра; не метафора — констатация факта, подтвержденная авторской датировкой работ. 3 января в

мастерскую заглянули хорошеные Жолико с Макой. 7 января — Никуша с бутылкой. 8 января — Биба. 9 января — монументальная Сима с тщедушным Семой. 10 января — Линда. Все, кроме мужчины Никуши, разделись.

Когда рассматриваешь огромные фотографии бронзовых памятников работы Зураба Церетели, на первых порах хочется сморозить какую-нибудь гадость. Типа очень все эти Булгаковы с полуоголенными Спиваковыми и здоровые духи в здоровом теле (так, без низкопоклонства, называется памятник босому картисту с лицом Владимира Путина) на поминают о кладбищенских аллеях. Но нет, в морге чувствуешь себя, посещая например, музей Шилова. Ассоциации с работами господина Церетели иные теплые, человечные. Что за Высоцкий навьюченный храмами с куполами, что за бронзовыесиськи (даже в памятнике Марине Цветаевой), они привлекают к себе внимание в первую очередь; бутылки, рыбины. Да это же чеканки в моем любимом «Бочонке», единственном питерском пивняке, сохранившемся в первозданном виде с 1970-х годов. Бронзовый Есенин, обнявший березку, бронзовый Пастернак со свечой, что горела на столе, — один к одному выжженные по фанере портретики, облагораживавшие интерьеры интеллигентных ИТР тех же «застойных» времен. И что никто не перепутал, каждое изваяние сопровождается деталями, указывающими на профессиональную принадлежность объекта изображения, а если речь о поэте — бронзовыми его строками. Странно, правда, читать на памятнике Высоцкому неаппетитное «Грязью чавкая жирной да ржавою». А что такое скорбные эмали «Сгубила меня бутылка» или «Путь в вытрезвитель — путь опять в вытрезвитель», как не переведенные в благородную технику классические татуировки на тему «Что нас губит»: водка, карты, бабы.

Зураб Церетели искренен в своей любви к Нико Пирсамишвили: он такой же примитив, такой же автор сентиментальных и жестоких городских романов. К сожалению, в отличие от Нико, он слишком много видел и знает: представьте себе «Вечную весну» Родена, адаптированную для пивной, а на выставке есть и такая работа. Другое дело, что ни Нико, ни Анри Руссо не могли бы (да и не должны ни при каком раскладе) возглавлять Академию художеств, худобедно, но обязанную хранить академические традиции. А господин Церетели не Руссо и не Пирсами. Он живая иллюстрация к тезису американского исследователя культуры Джона Сибрука, утверждающего в книге «Nobrow», что в наши дни критерий «эстетического вкуса» сменился критерием «аппетита». Зураб Константинович — человек безудержного, пугающего аппетита. Недаром его пресс-конференция и вернисаж — единственные на моей памяти, которые сопровождаются непрерывным поением и кормлением всех присутствующих. И когда на вопрос, таится ли в его сердце особая любовь к Петербургу, он восклицает: «Ой!», невольно хочется повторить это вслед за ним.